

УДК 801.81:398.3(=163/=161.2)(045)
ББК 82.3

Т. А. Агапкина
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Параллели в области вербальной магии у восточных и южных славян: «житийный» текст как заговор

Настоящая статья посвящена схождениям между балканославянскими и украинскими заговорами, а именно «житийному», или так называемому операционному, сюжету. Параллели к балканославянским «житийным» заговорам обнаруживаются не на всем пространстве украинской этнодиалектной зоны, а по линии юго-запад — северо-восток: на Гуцульщине и Буковине, в Подолии и Поднепровье, а также на Левобережной Украине. Выделяется четыре версии этого сюжета, представленные в заговорах, — «повесть хлеба», «повесть льна / конопля», «повесть брынзы / масла» и «повесть рыбы» — и устанавливается, что все четыре версии известны и у балканских славян, и у украинцев, хотя на Балканах преобладает «повесть брынзы», а у украинцев — «повесть хлеба». Показано, что совпадающие элементы сюжетики «житийных» заговоров в балканославянских и украинской традициях предстают не как атомарные факты, а как элементы системы, что выражается, в частности, в совпадении функций отдельных версий заговоров в этих традициях, а также особенностей их поэтики.

Ключевые слова: *фольклористика, заговоры, балканские славяне, украинцы, сюжет.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.3.01

В литературе нескольких последних десятилетий просматривается интерес к одной специфической группе ритуально-магических текстов. Эти тексты, по своей формальной структуре мало напоминающие заклинания, в отдельных фольклорных традициях принимают на себя магическую функцию. Их сюжетная основа кратко и однотипно прописывает этапы «жизни» и переработки некоего природного продукта растительного или животного происхождения (зерна, винограда или молока, к примеру) вплоть до получения хлеба, вина или брынзы соответственно. Подобным текстам, известным в славянской фольклорной традиции, посвящены несколько специальных работ. Это прежде всего статья Л. Раденковича «О значении одного сакраль-

ного текста о конопле и льне у славянских и балканских народов» (Раденковић 1981), а также большая работа Н. И. Толстого «Vita herbae et vita rei в славянской народной традиции» (Толстой 1994/2003); соответствующие балканославянские заговоры были учтены В. Л. Кляусом в его указателе (Кляус 1997: 99–101, 215–216).

Известно, что такие тексты (называемые «житийными», в терминологии Н. И. Толстого, или операционными, как называла их Т. В. Цивьян) бывают игровыми, хороводными, обрядовыми, повествовательными и магическими, встречаются среди загадок и быличек, они могут быть стихотворными или прозаическими, с акциональным компонентом или без одного и т. д. Нас в данном случае будет интересовать исключительно их магическая функция, когда «житийные» тексты выступают в качестве оберегов и заговоров.

В такой функции эти тексты обнаруживаются в балканославянском и украинском ареалах, причем наиболее репрезентативной является балканославянская коллекция. В Болгарии нам известно не менее 40 подобных текстов, в Восточной Сербии — около 20 (что не исключает, разумеется, того, что зафиксировано их значительно больше), в то время как в Македонии, а также в Западной Сербии и в Боснии они отмечаются единично.

Как мы уже упоминали, в «житийных» текстах речь идет о продуктах растительного и животного происхождения, описание переработки которых и составляет сюжет этого своеобразного «жития», или «повести». Общий набор этих продуктов довольно ограничен и принципиально не меняется от традиции к традиции, хотя акценты могут смещаться — продукт, производство которого в одной традиции является ведущей темой «житийных» текстов, в другой оказывается на периферии.

Начнем с Балкан. Заговоры на «житийные» сюжеты известны во всех трех балканославянских традициях. Ведущей темой «житийных» заговоров на Балканах является «повесть брынзы» (болг. *сирене*, серб. *сирење* ‘брынза’) или реже — «повесть молока / масла». У болгар таких заговоров мы насчитали более 30, у сербов — около 10, у македонцев — единицы¹. В самых полных вариантах подобного заговора

---

¹ Список вариантов: (Амроян 2005, № 10, 12, 26, 29, 33, 36, 38, 49, 57, 59 [по материалам СбНУ]; Кляус 1997: 99–101 [семь заговоров из материалов СбНУ]; Тодорова-Пиргова 2003, № 25, 28, 34, 40, 41, 42, 43, 49, 58, 62, 63, 72, 73, 82, 84, 88, 110, 128, 210, 279; Раденковић 1982, № 362, 529, 560, 562, 563, 564).

описывается, как некто (один человек / люди) берет топор, идет в лес, срубает деревья и вытесывает кольца, из которых строит загон для овец (иногда коров), после чего доит их, сквашивает молоко, процеживает его и получает брынзу.

См. в болгарском заговоре:

Оздол иде џърн чуден човек, та носи џърна чудна секира, донесе ја на џърна чудна ковачиџница, та наточи џърна чудна секира, та направи џърни чудни кола на џърни чудни волове, отиде у џърна чудна гора, набра џърно чудно пракье и набра џърни чудни колџи, та загради џърн чуден јагал, та накара џърно чудно стадо и надои џърни чудни ведрa млеко, потсири џърн чуден чебур сиренье, на направи џърн чуден оструг и закачи џърно чудно сиренье, подуха џърн чуден ветър, та разнесе џърно чудно сиренье. Да се разнесат уроџите като прах по пат, да се разнесат уроџите като пенџа по вода [Снизу идет черный чудной человек и несет черную чудную секиру, и принес ее в черную чудную кузницу, и наточил черную чудную секиру, и сделал черную чудную телегу для черных чудных волов поехал в черный чудной лес, и набрал черных чудных прутьев, и набрал черных чудных колевок, и огородил черный чудной угол, и собрал черное чудное стадо, и надоил черные чудные ведра молока, заквасил черную чудную бадью брынзы, и сделал черный чудной багор, и повесил на него черную чудную брынзу, подул черный чудной ветер и разнес черную чудную брынзу. Пусть разнесутся уроки, как пыль по дороге, пусть разнесутся уроки, как пена по воде] (СБНУ 1900: 263–264, Царибродский округ, ныне — юго-восточная Сербия).

Завершаться сюжет может по-разному, однако общий смысл финальной части всегда один — недуг должен исчезнуть подобно тому, как исчезает полученный продукт: брынзу продают; ее разрезают и разносят на 9 сторон; съедают; брынза разлетается по ветру; брынзу продают, а деньги от нее расходятся по людям; кто-нибудь съедает брынзу и лопается от съеденного и т. д., ср. финальные фразы заговоров:

болг.: *Тако да му се прџснат уроџите* [Так пусть рассеются уроки] (Тодорова-Пиргова 2003, № 25);

Кџо се разтура парите по села и по градове, тџй да се разтурат на Иван уроџите [Как расходятся деньги по селам и городам, так пусть расточатся уроки Ивана] (там же, № 34);

Който хапнал — той са пръснал... Да са пръснат ураките! [Кто съел, тот лопнул... Пусть лопнут уроки!] (там же, № 41);

да го носят по гори, по води... да са изтърси като ръжен клас [пусть его носят по лесам, по водам... пусть осыплется, как ржаной колос] (там же, № 49);

Ко се сиреньє разнесе по циганьи и по еврее, така се разнесу почудища [Как брынза разнесется по цыганам и евреям, так разнесутся почудища-уроки] (там же, № 84) и т. д.;

серб.: *птићи... искључаше чудно сирене, растурише почудишта...* [птицы... истребили чудную брынзу, разметали / разогнали почудища-уроки] (Раденковић 1982, № 564);

како која јела — пукла... да остане Пера чист као сребро! [Которая ела брынзу — лопнула... пусть останется Пера чистым как серебро!] (там же, № 529);

да штукне у маково зрно, да га нема више [чтобы слиплось в маковое зернышко, чтобы его больше не было] (там же, № 362);

да се растура Нади уроци, кај чур по комин, кај магла по планини, кај људи по пазар [чтобы рассеялись уроки Нады, как дым по трубе, как туман по горам, как люди по базару] (Радовановић 1997: 61) и т. д.

Заключительные фрагменты таких текстов эксплицируют их функцию (ликвидировать недуг, избавлять от него человека) — собственно, именно они и превращают «житийный» сюжет в заговорный текст. При этом эти финальные фрагменты сюжетно практически не связаны с «житийной» их частью: по сути, они заимствуются из формульного «запаса» балканославянской заговорной традиции и могут завершать самые разные болгарские и сербские заговоры, не только «житийные».

«Повесть брынзы» (а также изредка «повесть молока / масла») функционирует в основном в качестве заговора от уроков и порчи (в том числе в заговорах от *почудища / почудишта*), в единичных случаях — от детской бессонницы, бесплодия и др.

В отличие от «повести брынзы», широко представленной в балканославянской традиции, остальные «житийные» сюжеты заговоров известны на Балканах в минимальном количестве записей.

Так, «повесть хлеба», рассказывающая о выращивании зерновых культур и превращении зерна в хлеб, в болгарских записях встре-

чается единично, в сербских — крайне редко². Итоговые формулы заговоров практически те же, что и в текстах, относящихся к сюжету «повести брынзы»: хлеб (обычно лепешку) съедают, разносят на стороны, продают и т. д. В функциональном отношении эти заговоры несколько более разнообразны, чем «повесть брынзы»: их читали как для лечения от сглаза, в том числе у детей, так и при кожных недугах. Вот характерный пример подобного заговора из восточной Сербии:

*Пош'л орач на орање... отишал на црвену њиву, посеја црвену пшеницу, ниче црвена пшеница, порасте црвена пшеница, узре црвена пшеница. Дојдоше црвене жене, пожеше црвену пшеницу с црвени српови, дојдоше црвени мужи, извише црвена јужа, везаше црвену пшеницу... Дојде црвен човек... отера на црвено гувно... истури црвену сламу, сабра црвену пшеницу, извеја црвену пшеницу... отера у црвену воденицу, самле црвено брашно. Сабра црвено брашно... однесе у црвени двори, покупи црвене жене, омесише црвене погаче... опекоше црвену погачу... разломише црвену погачу, изедоше црвене жене и црвени мужје црвену погачу. Растури се црвени ветар од Виду кано црвена погача... [Пошел пахарь на пахоту... он пошел на красное поле, посеял красную пшеницу, взошла красная пшеница, выросла красная пшеница, созрела красная пшеница. Пришли красные женщины, сжали красную пшеницу красными серпами, пришли красные мужчины, свили красные веревки, связали красную пшеницу... Пришел красный человек... отправился на красное гумно... сбросил красную солому, собрал красную пшеницу, провеял красную пшеницу, отправился на красную мельницу, смолот красную муку. Он собрал красную муку... отнес ее на красные дворы, собрал красных женщин, они замесили красные лепешки... испекли красную лепешку... разломил красную лепешку, съели красные женщины и красные мужчины красную лепешку. Сходит красный ветер с Виды, как красная лепешка] (Раденковић 1982, № 99, *црвен ветар* — болезнь, сопровождающаяся жаром и сыпью).*

«Повесть льна / конопли» — один из самых распространенных «житийных» сюжетов славянского фольклора. Тем не менее в балканославянских заговорах он известен мало и фиксируется, кажется, только в сербской и македонской традициях³. В этом сюжете вни-

2 (Раденковић 1982, № 99, 201, 561; Тодорова-Пиргова 2003, № 103).

3 (Раденковић 1982, № 331, 339; Радовановић 1997: 78; Амроян 2005,

мание сосредоточено на действиях по обработке льна и конопли и последующему изготовлению полотна и одежды, таких как сажать коноплю, убирать, обдирать, мочить в воде, мять, трепать, чесать, прясть, сматывать мотовилом, сучить, сновать, навивать на навой, вводить в бёрдо, ткать полотно, кроить его, выбеливать, шить. Конец заговора, описывающий избавление от продукта (болезни), может выглядеть, например, следующим образом: «...и поцепа тежиъаву кошуљу. Растури се тежина — растурише се прободи из груди Милетиних» [и порвала рубаху посконную. Расползлась, пропала посконь — рассосалась, пропала боль в груди Милеты] (Милосављевић 1913: 217, Хомолье, пер. Н. И. Толстого). «Повесть конопли» функционирует в качестве заговора от острых болей, в основном в груди (серб. *пробод* ‘колотье’, макед. *бодеж* ‘то же’ и др.).

Наконец, единичные сербские заговоры основаны на сюжете «повести рыбы»: в них описывается, как люди ловят рыбу, готовят ее на огне и съедают, см.:

Дошла голема вода, па донела голему рибу, пошла голема девојка, понела голему торбу, с’лази у голему воду, да увати голему рибу. У торбу има голема бритву, да закоље голему рибу, да извади големо срце, да наложи големи огањ, да испече големо срце. Кој окуси од големо срце, да цркне и пукне [Пришла большая вода и принесла большую рыбу, пошла большая девушка, взяла большую сумку, спустилась в большую воду, чтобы поймать большую рыбу. В сумке у нее большой нож, чтобы зарезать большую рыбу, чтобы вынуть большое сердце, чтобы разжечь большой огонь, чтобы испечь большое сердце. Кто попробует большое сердце, пусть сдохнет и лопнет] (Радовановић 1997: 77, Сокобаня, от свинки), ср. аналогичное завершение другого заговора на сюжет «повести рыбы», так же как и предыдущие концовки заключающее в себе идею уничтожения: *Куј пре сркне, да цркне!* [Кто раньше хлебнет, пусть сдохнет!] (Раденковић 1982, № 105, Поморавле).

Таким образом, в балканославянской традиции присутствуют заговоры на четыре «житийных» сюжета — «повесть брынзы» прежде всего, а также «повесть хлеба», «повесть конопли / льна» и «повесть рыбы». Их ареал захватывает Болгарию, восточную Сербию и отдельные регионы Македонии (уточнить которые не представляется пока

возможным в силу малого количества текстов, имеющих в нашем распоряжении). Во всех этих традициях «житийные» тексты органично вписаны в балканославянскую заговорную традицию, одной из ключевых особенностей которой является регулярное использование сквозных эпитетов — «красный», «черный», «чудной», «большой», «левый», «кривой», характерных для традиции в целом.

Среди румынских заговоров операционные сюжеты также распространены достаточно широко, особенно это касается «повести конопля», причем заговоры на этот сюжет, как и у балканских славян, применяются для лечения болей, в частности прострела (см.: Цивьян 1977: 307).

Сюжетно и структурно близкие к балканославянским «житийные» заговоры известны на Украине. В отличие от балканославянских, среди украинских заговоров самым частотным оказывается сюжет «повести хлеба»⁴. Сюжет развивается аналогично балканославянскому, с разной степенью детализации действий, результатом которых становится получение хлеба: *спік чоловічище пuste коржище* (Туркевич 1905: 13), см. в украинском заговоре:

*Сокира нова топорище теше, народжена, молитвена (ворожка говорит свое имя) нарожденому, молитвеному (имя больного) от бышихи⁵ шепче, од водяной бышихи, од витрянной, од прозирной⁶.
Пусти волю, пусти ярма, з пустыми плугамы пустого поля йихалы ораты, з пустыми боронамы пустый хлеб волочиты. Як виросте той пустый хлеб, пусти женцы з пустыми серпами підуть пустый хлеб жаты, пусти снопы вязаты, пусти копы класты. Пусти волю з пустыми возамы пустый хлеб йдуть пидниматы, до пустого току пусти копы возыты, пусти стогы класты, пусти молотныкы⁷ з пустыми ципамы пустый хлеб будуть молотыты, пустыми лопа-*

---

4 (Ткачев 1867: 231, Воронежская губ. [= Чубинский 1872/1/1: 116–117]; Драгоманов 1876: 24, Харьковская губ. и у.; Материалы для этнограф. изучения Харьковской губ. 1894: 170, Харьковская губ., Купянский у.; Милорадович 1900: 56, Полтавская губ., Лубенский у.; Туркевич 1905: 12–13, Екатеринославская губ., Бахмутский у.; Зорі 1991: 144, зап. в 1913 г., Станиславское воев., с. Жабье Кривополье (ныне – Верховина); Слов. магія 1998: 65, Житомирская обл., Овручский р-н).

5 Укр. *бешиха* ‘рожистое воспаление, рожа’.

6 Укр. *прозирати* ‘1. проглядывать; 2. проникать’.

7 Укр. *молотник* ‘тот, кто молотит’.

тамы пустый хлиб віаты, пустымы миркамы пустый хлиб будуть миряты, в пусти мишки пустый хлиб будуть набыраты, пустымы возамы, пустымы воламы пустый хлиб будуть возыты. Пустый каминь пустый хлиб буде молоты. З пустымы мишкамы пусти мирошники⁸ пустый хлиб будуть набираты. До пустой дижи пустый хлиб будуть носыты, пуста жєницина пустый хлиб буде учиняты, в пусту пичь сажаты. Пуста жєницина по пусти дрѡва ходыла, пусту пичь топыла. Як буде той пустый дым сходыты, так ныхай бышыха зійде з нарожденого, молитвєного раба Божого (имя)⁹.

Завершающие формулы этих «житийных» заговоров так же, как и на Балканах, проникнуты идеей уничтожения / изгнания недуга, хотя надо признать, что в украинских заговорах эти финальные формулы более органичны содержанию заговора и напрямую проистекают из него — в отличие от того, что мы видели в балканославянских:

Дижа не зійшлася, а бышыха розійшлася; На полудень сонце стане, а бышыхы у (имя) не стане (там же: л. 37);

...на пустому камню <пишницю> мололи; ту бишиху размолоти на хатах, по болотах, по пустых очеретах (Ткачев 1867: 231);

и той хлиб пойдидылы и сю бишиху пожыралы (Милорадович 1900: 56);

пустий хлиб їли ї з пустої молитвєнної имр. волос ззіли (Драгоманов 1876: 25, от волосатика).

Элементом, объединяющим украинские и балканославянские «житийные» заговоры, являются также сквозные эпитеты, обязательные для украинских текстов; при этом в отличие от балканославянской украинская «повесть хлеба» использует преимущественно один такой эпитет — «пустой», символизирующий в самом общем смысле избывание болезни. Обратим внимание и на то, что балканославянские заговоры на сюжет «повести хлеба» так же, как и на Украине, могли применяться для лечения кожных болезней.

⁸ Укр. *мірошник* 'хозяин мельницы; мельник'.

⁹ *Иванов П. В.* Знахарство. Шептания и заговоры. (Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского у. Харьковской губ.) // Институт этнологии и антропологии РАН (Москва). Архив. Ф. ИОЛЕАЭ. № 169. Л. 36об.–37; Слобода Ново-Глухов, ныне Кременский р-н Луганской обл. Сверено по рукописи.

В единичных записях известен на Западной Украине и особый вариант «молочных повестей», а именно «повесть масла»: заговор, который, в отличие от балканославянской традиции, практикуется только в скотоводческой магии — чтобы отвести чары и порчу, наведенную на скотину. «Черлений» (красный) или золотой человек рубит прутья, перевязывает их красными веревками и строит загон, куда заводит овец или коров, доит их, процеживает молоко, собирает сметану или сбивает масло:

Прийшов чоловік золотий, взяв золоті дійниці¹⁰, пішов у золоті загороди, надоїв золотого молока у золоті тиски — стала золота сметана. Назбирав золотої сметани у золоті колотівки¹¹, сколотив золоте масло... поніс золоте масло у золоте місто (Слов. магія 1998: 86, Ивано-Франковская обл., Косовский р-н).

А вот финальные фразы таких заговоров больше напоминают балканские тексты: они слабо связаны с содержанием текста и лишь указывают на апотропеическую направленность заговора в целом:

...Хто золоте масло уздрів — той ся розстрів [Кто золотое масло увидел, тот рассеялся] (Слов. магія 1998: 86);

Жидиньита... ци ви би сего масла не купили? А молоко жебисти поїли! Котрі їли, аби си розсіли, котрі виділи, аби си посліпли, аби не завидували на манну... [Еврейчики... вы не купили бы этого масла? И молока вы должны попить! Которые ели, чтобы разошлись по сторонам, которые видели, чтобы ослепли, чтобы не завидовали манне...] (Франко 1898: 63, Черновицкая обл., Путильский р-н).

Так же редко встречается на Украине «повесть рыбы», описывающая процесс ловли и приготовления рыбы:

Ишов чернець через чорний бор, да найшов чорну сеть, да взяв на чорни плечи, да пішов чорною дорогою, да прийшов к чорному морю, да закинув чорную сеть, да вловыв чорну плотку¹² и вкинув в чорний мех¹³, взяв на чорни плечи, принис в чорну хату, положив на

10 Укр. *дійниця* 'ведро для доения молока'.

11 Укр. *колотівка* 'мутовка, сбивалка'.

12 Укр. *плітка* 'плотва'.

13 Укр. *міх* 'мешок'.

чорну лавку и оскреб чорну плотку, вкинув в чорний горщик и затопив чорну печь... (Семенцова 1892: 286, Черниговская губ., Кролевецкий у., от падучей).

Заключительные формулы в заговорах на сюжет «повести рыбы» имеют апотропеическую направленность: *...засвітив ясну свіч, як свіча погасилась, так щоб в раба Божого имя рек вся боль утушилась* (там же), напоминая в том числе балканославянские формулы: *Десь узялись сыни люди, сыню рыбу поймали, як найились, и сами розсились* [разошлись по сторонам]. *Так щоб розсився бех и бишишньця...* (Ястребов 1894: 46, Херсонская губ., от бешихи-рожи).

Сквозные эпитеты процитированных заговоров (*черный и синий*) могут быть навеяны темой черного / синего моря.

В харьковских материалах нам встретился уникальный вариант «житийного» заговора, сюжет которого можно было бы обозначить как «повесть древесины»:

Ихав чорный чоловик у лис, заприг чорны волю, надив чорнэ ярмо, узав чорну сокиру, а у сокири чорнэ топорыще. Пойихав у чорный лис и зрубав чорне дєрево, покурыв¹⁴ нарожденому, мольтвьяному, хрещеному бышиху (Материалы для этнограф. изучения Харьковской губ. 1898: 176, ныне — Луганская обл., Новоайдарский р-н).

Мы не склонны считать этот сюжет самостоятельным, и, скорее всего, он является производным от «повести масла», действие которого, напомним, также начинается с описания человека, отправляющегося в лес, чтобы настругать деревянных прутьев для загона.

Немногом шире, чем «повесть масла» и «повесть рыбы», на Украине известна «повесть конопли», описывающая процесс выращивания конопли — от вспахивания поля под коноплю до шитья сорочки¹⁵. Как

14 Укр. *покурити* 'покадить, окурить кого-то или что-то'.

15 (Кайдль 1898: 147–148, Черновицкий у.; Верххратский 1930: 33, ныне с. Новая Прилука Липовецкого р-на Винницкой обл. [= Зорі 1991: 157]; Talko-Hrynciewicz 1893: 168, № 1, Рыжановка, ныне Звенигородский р-н Черкасской обл.). В русской традиции единственным известным нам отзвуком «повести конопли» является короткий нижегородский заговор: «Не пашут, не боронут, не сеют, не берут, не мочат, не трепят, не ткут, не шьют, не белят, только лишаи заговаривают на молитвенной крещеной и. р.» (Нижегородские заговоры 1997, № 64, Нижегородская обл., от

и на Балканах, на Украине «повесть конопля» применяется в качестве заговора от сильных болей: от *кольки / колотьби* — воспаления легких и плеврита, сопровождающегося сильными болями в груди при дыхании, а также от болей в желудке:

Стій, колько, — на коноплі горю, стій, колько, — на коноплі скородю¹⁶, стій, колько, — насіння¹⁷ везу, стій, колько, — коноплі сію, стій, колько, — коноплі полю, стій, колько, — плоскіль¹⁸ беру, стій, колько, — матірку¹⁹ беру, стій, колько, — коноплі мочу, стій, колько, — коноплі витягаю, стій, колько, — коноплі тіпаю²⁰, стій, колько, — коноплі спускаю, стій, колько, — коноплі дергаю, стій, колько, — коноплі чешу, стій, колько, — коноплі пряду, стій, колько, — на тальку²¹ мотаю, стій, колько, — з тальки скидаю, стій, колько, — коноплі до річки несу, стій, колько, — від річки йду, стій, колько, — коноплі сушу, стій, колько, — на витушку²² кладу звиваю, стій, колько, — сную, стій, колько, — до ткача несу, стій, колько, — полотно золю, стій, колько, — полотно стираю, стій, колько, — полотно білю, стій, колько, — сорочку шию, стій, колько, — сорочку беру, аж тепер тобі, колько, не буде ладу (Верхратський 1930: 33).

Как и в других «житийных» заговорах, идея прекращения / уничтожения болезни почти обязательно акцентируется в итоговой фразе:

аж тепер тобі, колько, не буде ладу (там же);

сорочки не стало, шчоб так колька колоти перестала (Talko-Hrucsewicz 1893: 168);

як з сих колопень нічо сї не зводит, так аби ся і з сеї колотьби нічо не звело [как из этой конопля ничего не поднимается / не родит-

---

лишая), который, судя по замечанию собирателя, читают только по воскресеньям, когда все работы запрещены и «вся энергия людей, свободных в этот день от работы, направляется на излечение болезни у конкретного человека» (там же: 86).

16 Укр. *скородити* 'бороновать'.

17 Укр. *насіння* 'семена'.

18 Укр. *плоскіль* 'посконь'.

19 Укр. *матірка* 'матерка (конопля)'.

20 Укр. *тіпати* 'трепать, мять'.

21 Укр. *талька* 'моток пряжи, ниток'.

22 Укр. *витушка* 'мотушка, мотовило'.

ся, так чтобы и от этой колотьбы ничего не было] — так говорят, завязывая узлы на шнурке, который сплели из нитей, давно лишенных корней (Кайндль 1898: 147).

В украинских заговорах на сюжет «повести конопли» идея прекращения болезни / боли выражена обычно дважды — не только в заключительных строках, но и в начальных формулах каждой синтагмы: *годі тобі, колько, колоти* (Talko-Нгунсевиц 1893: 168) или *стій, колько* (Верхратський 1930: 33), причем в последнем заговоре эта начальная формула повторяется 27 (тридевять!) раз, что едва ли можно считать случайностью.

Украинские заговоры на сюжет «повести конопли хлеба» сохраняют и другие архаические черты. Остановимся лишь на одном, пожалуй, самом примечательном моменте. В упомянутой выше статье «*Vita herbae et vita rei* в славянской народной традиции» Н. И. Толстой поставил «житийные» сюжеты разных жанров (заговоров, сказок, быличек, легенд, хороводных игр типа «А мы просо сеяли», театрализованных действий и др.), представляющие в концентрированном виде процесс превращения природной материи в продукт (полотно или хлеб прежде всего), в один ряд с ритуальным производством подобных вещей: «...вне устной народной словесности [...] в обрядовой сфере метаморфозы (“жизнь”) льна и конопли ярко отражаются в ритуальном производстве обыденного полотна, полотенца, пояса и обыденной рубахи» (Толстой 1994/2003: 51), а также других «обыденных» предметов²³. С точки зрения автора, эти вербальные и ритуальные формы «житийных» текстов объединяют два момента: «... во-первых, компрессия времени при имитации, повторении или исполнении жизненного процесса; во-вторых, почеркнутое стремление к полноте имитации или исполнения жизненного процесса [...] Именно завершенность и полнота цикла жизни растения или производства его продукта, а также спрессованность “жизненного” и производственного времени придают [...] всему обряду [...] бóльшую магическую силу» (там же: 70–71). Справедливость этого суждения не вызывает сомнения, при том что прямых и конкретных переключек между вербальными текстами на «житийные» сюжеты и ритуалами изготовления обыденных вещей до сих пор вроде бы не отмечалось. Тем

23 О семантической соотнесенности операционных текстов и ритуалов изготовления «обыденного» полотна писала Т. В. Цивьян (Цивьян 1977: 307).

важнее привлечь внимание к одному украинскому заговору на сюжет «повести конопли», в котором такое пересечение, кажется, имеет место. В нем перечислено 21 действие — от сеяния конопли до ношения сшитой сорочки, причем в отличие от других «житийных» заговоров каждое из этих действий обозначено двояко — и как намерение (мы будем делать то-то), и как свершившийся факт (мы сделали это), а главное — каждое совершённое действие уточняется с точки зрения времени его исполнения (*єден день*):

...будем на коноплі орати — виорали в єден день...
...будем коноплі брати — вибрали в єден день...
...будем прядиво чесати — почесали в єден день...
...будем полотно робити — зробили в єден день...
...будем в сорочках ходити — походили єден день...
(Talko-Hryncewicz 1893: 168)

Нам представляется, что такой учет «фактора времени», свертывание времени действия до одного дня, а также маркирование завершенности каждого этапа работ и процесса в целом — всё это вместе подтверждает мысль о соотнесенности между собой ритуальных и вербальных форм *vita herbae*, причем, возможно, как с точки зрения их общего смысла, так и с точки зрения происхождения.

* * *

Подытожим сказанное.

Первый момент — это география описываемого явления. Исследуя славянскую вербальную магию, мы не в первый раз отмечаем сходение сюжетов балканославянских и украинских заговоров (см.: Агапкина 2016; 2019). К настоящему моменту у нас набралось уже четыре карты, которые подтверждают мысль о том, что параллели к балканославянским заговорам обнаруживаются на Украине преимущественно по линии юго-запад — северо-восток: от Гуцульщины, Покутья и Буковины через Подолию и Поднепровье и далее — на Левобережную Украину (см. карту). Поразительным образом эти сюжетные параллели по большей части обходят Полесье, во всяком случае центральное и западное, и это, конечно, ждет своих объяснений и интерпретаций. Тем не менее нельзя исключать, что новые материалы могут видоизменить немного эту картину. Особенно это касается Закарпатья, которое на этой и других картах пока остается белым пятном.

Второй момент касается, если так можно выразиться, типологии балканославянско-украинских параллелей. В данном случае речь, как мы могли убедиться, идет не о простой сюжетной перекличке, не только о том, что у балканских славян и украинцев в заговорах встречается один и тот же сюжет или мотив. Предложенные наблюдения позволяют, на наш взгляд, говорить о более глубоких связях балканославянских и украинской заговорных традиций. Совпадающие элементы сюжетики «житийных» заговоров в обеих традициях предстают не как атомарные факты, а как элементы системы. Во-первых, совпадают четыре основных сюжета «житийных» заговоров: «повесть конопли», «повесть хлеба», «повесть брынзы / масла» и «повесть рыбы» фиксируются и на Балканах, и на Украине, при том что на Балканах явно преобладает «повесть брынзы», а на Украине — «повесть хлеба». Во-вторых, и там и там композиция заговоров обнаруживает двучастный характер: собственно операционный фрагмент завершается финальной формулой, в которой разными способами выражена идея уничтожения / рассеивания / разрушения болезни. В-третьих, в значительной степени совпадают функции отдельных сюжетов этих заговоров: тексты на сюжет «повести хлеба» применяются на Балканах в том числе для лечения кожных болезней и на Украине — исключительно в этой функции (от бешихи-рожи); «повесть брынзы / масла» — для избавления от *уроков* («людских» — на Балканах и «скотьих» — на Украине); «повесть льна / конопли» — там и там от сильных болей. Наконец, в-четвертых, выявленные сюжетные параллели продолжают на уровне поэтики заговоров: характерные для балканославянской традиции сквозные эпитеты (*черный, пустой, чудной, левый, красный* и др.) присутствуют и в украинских «житийных» заговорах, при том что за их рамками такая особенность обнаруживается нечасто и уж тем более не так последовательно, как на Балканах.

Тем самым мы можем говорить фактически о едином явлении, общем для балканских славян и украинцев, о явлении комплексном и многофакторном: о традиции функционирования житийных текстов в качестве заговоров, а не просто о распространении некоего сюжета на балканославянской и украинской территориях.

Источники и литература

Агапкина 2016 — Агапкина Т. А. Карпато-южнославянские параллели в области вербальной магии и их продолжение у восточных славян // Славяноведение. 2016. № 6. С. 3–13.

Агапкина 2019 — Агапкина Т. А. Параллели в области вербальной магии у восточных и южных славян // Славянские архаические ритуалы в пространстве Европы. М.: Индрик, 2019. С. 10–38.

Амроян 2005 — Амроян И. Ф. Сборник болгарских народных заговоров. Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т, 2005. 138 с.

Верхратський 1930 — Верхратський С. Побутова медицина сучасного села. Недуги голови, очей, вуха, горлянки, зубів, грудей // Побут. 1930. № 6–7. С. 24–36.

Драгоманов 1876 — Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. Киев: Типография М. П. Фрица, 1876. 462 с.

Зорі 1991 — Ви, зорі-зориці. Українська народна магична поезія (Замовляння) / упор. М. Г. Василенка, Т. М. Шевчук. Київ: Молодь, 1991. 334 с.

Кайдль 1898 — *Кайндль Р.* Фольклорні материяли: IV. Буковинські примівки // Етнографічний збірник. Т. 5. Львів, 1898. С. 141–159.

Кляус 1997 — *Кляус В. Л.* Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М.: Наука, 1997. 464 с.

Материалы для этнограф. изучения Харьковской губ. 1894 — Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Вып. 8. Харьков: Типография губернского правления, 1894. С. 1–384.

Материалы для этнограф. изучения Харьковской губ. 1898 — Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Вып. 12. Харьков: Типография губернского правления, 1898. С. 1–180.

Милорадович 1900 — *Милорадович В. П.* Народная медицина в Лубен. у. Полтав. губ. // Киевская старина. Т. 70. Кн. 1–2. 1900. С. 51–65.

Милосављевић 1913 — *Милосављевић С.* Српски народни обичаји из среза Хомольског // Српски етнографски зборник. Књ. 19. 1913. С. 1–442.

Нижегородские заговоры 1997 — Нижегородские заговоры (В записях XIX–XX веков) / сост. А. В. Коровашко, К. Е. Корепова. Нижний Новгород: [б. и.], 1997. 128 с.

Раденковић 1981 — *Раденковић Љ.* О значењу једног сакралног текста о конопљи и лану код словенских и балканских народа // Научни састанак слависта у Вукове дане. 11. Београд: Међународни славистички центар, 1981. С. 207–217.

Раденковић 1982 — *Раденковић Љ.* Народне басме и бајања. Ниш: Градина; Приштина: Јединство; Крагујевац: Светлост, 1982. 528 с.

Радовановић 1997 — *Радовановић Г.* Магијска шапутања: басме и бајалице сокобањског краја. Сокобања: [б. и.], 1997. 110 с.

СБНУ 1900 — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 16–17, ч. 2. София, 1900. VI, 409 с.

Семенцова 1892 — Сборник Ирины Антоновны Семенцовой, составленный из с. Будниц Кролевецкого у. Черниговской губ. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 4. 1892. С. 285–288.

Слов. магія 1998 — Словесна магія українців / передмова В. Фісуна. Київ: Бібліотека українця, 1998. 102 с.

Ткачев 1867 — *Ткачев Г.* Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866 г. Воронеж: Типолитография губернского правления, 1867. С. 159–232.

Тодорова-Пиргова 2003 — *Тодорова-Пиргова И.* Баяния и магии. София: Проф. Марин Дринов, 2003. 560 с.

Толстой 1994/2003 — *Толстой Н. И.* Vita herbae et vita rei в славянской народной традиции // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 139–168, 263–266. Переизд.: *Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 37–72.

Туркевич 1905 — *Туркевич.* Заговор от рожистого воспаления (бышыхы) // Киевская старина. Т. 91. № 11–12. 1905. С. 66–67.

Франко 1898 — *Франко І.* Гуцульські примівки // Етнографічний збірник. Т. 5. Львів, 1898. С. 41–72.

Цивьян 1977 — *Цивьян Т. В.* ‘Повесть конопля’: к мифологической интерпретации одного операционного текста // Славянское и балканское языкознание: карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста / сост. и отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1977. С. 305–317.

Чубинский 1872/1/1 — Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. Т. 1, вып. 1. СПб.: [Тип. В. Безобразова и Комп.], 1872. 224 с.

Ястребов 1894 — Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губернии В. Н. Ястребовым. Одесса: Тип. Шт. Одесского военного округа, 1894. 202 с.

Simić 1964 — *Simić S.* Narodna medicina u Kratovu // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1964. S. 309–443.

Talko-Hryniewicz 1893 — *Talko-Hryniewicz J.* Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków: Polska akademia umiejętności, 1893. 461 s.

References

Agapkina, T. A. “Karpato-iuzhnoslavianskie paralleli v oblasti verbal’noi magii i ikh prodolzhenie u vostochnykh slavian.” *Slavianovedenie*, no 6, 2016, p. 3–13.

Agapkina, T. A. “Paralleli v oblasti verbal’noi magii u vostochnykh i iuzhnykh slavian.” *Slavianskie arkhaischeskie ritualy v prostranstve Evropy*, Moscow: Indrik, 2019, p. 10–38.

Amroian, I. F. *Sbornik bolgarskikh narodnykh zagovorov*. Togliatti: Togliatti State University, 2005, 138 p.

Civjan, T. V. “‘Povest’ konopli’: k mifologicheskoi interpretatsii odnogo operatsionnogo teksta.” *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: karpato-vostochnoslavian-*

skie paralleli. *Struktura balkanskog teksta*, eds. T. M. Sudnik, T. V. Civjan, Moscow: Nauka, 1977, p. 305–317.

Dragomanov, M. *Malorusskie narodnye predaniia i rasskazy*. Kiev: Tipografia M.P. Fritsa, 1876, 462 p.

Franko, I. “Hucul’ski primivki.” *Etnografichnyi zbirnyk*, vol. 5, Lvov, 1898, p. 41–72.

Kaïndl’, R. “Fol’klorni materyialy: IV. Bukovyns’ki prymivky.” *Etnografichnyi zbirnyk*, vol. 5, Lvov, 1898, p. 141–159.

Klyaus, V. L. *Ukazatel’ suzhetov i suzhetnykh situatsii zagovornykh tekstov vostochnykh i iuzhnykh slavian*. Moscow: Nauka, 1997, 464 p.

“Materialy dlia etnograficheskogo izucheniia Khar’kovskoi gubernii.” *Khar’kovskii sbornik. Literaturno-nauchnoe prilozhenie k “Khar’kovskomu kalendariu”*, Khar’kov: Tipografia gubernskogo pravleniia, vol. 8, 1894, p. 1–384.

“Materialy dlia etnograficheskogo izucheniia Khar’kovskoi gubernii.” *Khar’kovskii sbornik. Literaturno-nauchnoe prilozhenie k “Khar’kovskomu kalendariu”*. Khar’kov: Tipografia gubernskogo pravleniia, vol. 12, 1898, p. 1–180.

Materialy po etnografii Novorossijskogo kraia, sobrannye v Elisavetgradskom i Aleksandrijskim uezdah Hersonskoi gubernii V. N. Yastrebovym. Odessa: Tip. Sht. Odesskogo voennogo okruga, 1894, 202 p.

Miloradovich, V. P. “Narodnaia meditsina v Luben. u. Poltav. gub.” *Kievskaiia starina*, vol. 70, kn. 1–2, 1900, p. 51–65.

Milosavljević, S. “Srpski narodni obiçaji iz sreza Homoljskog.” *Srpski etnografski zbornik*. 1913, knj. 19, p. 1–442.

Nizhegorodskie zagovory (V zapisiakh XIX–XX vekov), ed. by A. V. Korovashko, K. E. Korepova. Nizhny Novgorod: s. n, 1997, 128 p.

Radenković, Lj. *Narodne basme i bajanja*. Niš: Gradina; Priština: Jedinstvo; Kragujevac: Svetlost, 1982, 528 p.

Radenković, Lj. “O značenju jednog sakralnog teksta o konoplji i lanu kod slovenskih i balkanskih naroda.” *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*. 11, Beograd: Međunarodni slavistički centar, 1981, p. 207–217.

Radovanović, G. *Magijska šaputanja: basme i bajalice sokobanjskog kraja*. Sokobanja: s. n., 1997, 110 p.

“Sbornik Iriny Antonovny Sementsovoj, dostavlennyi iz s. Budnic Krolevetskogo u. Chernigovskoi gub.” *Sbornik Khar’kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva*, vol. 4, 1892, p. 285–288.

Sbornik za narodni umotvoreniiia, nauka i knizhnina, kn. 16–17, ch. 2. Sofia, 1900.

Simić, S. “Narodna medicina u Kratovu.” *Zbornik za narodni život i obiçaje Južnih Slavena*, 1964, s. 309–443.

Slovesna mahiia ukraïntsiv, frwd. V. Fisun. Kiev: Biblioteka ukraïntsia, 1998, 102 p.

Talko-Hryncewicz, J. *Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej*. Kraków: Polska akademia umiejętności, 1893. 461 s.

Tkachev, G. "Etnograficheskie ocherki Bogucharskogo uezda." *Pamiatnaia knizhka Voronezhskoi gubernii na 1865–1866 g.*, Voronezh: Tipolitografiia gubernskogo pravleniia, 1867, p. 159–232.

Todorova-Pirgova, I. *Baiania i magii*. Sofia: Prof. Marin Drinov, 2003, 560 p.

Tolstoy, N. I. "Vita herbae et vita rei v slavianskoï narodnoï traditsii." *Slavianskiï i balkanskiï fol' klor. Verovaniia. Tekst. Ritual*. Moscow: Nauka, 1994, p. 139–168, 263–266. Republished: Tolstoy, N. I. *Ocherki slavianskogo iazychestva*. Moscow: Indrik, 2003, p. 37–72.

Trudy ètnograficheskoi-statisticheskoi ekspeditsii v Zapadno-russkii kraï. Iugo-zapadnyi otdel. Materialy i issledovaniia, sobrannye P. P. Chubinskim, vol. 1, vyp. 1, Saint Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova i Komp., 1872, 224 p.

Turkevich. "Zagovor ot rozhistogo vospaleniia (byshyky)." *Kievskaiia starina*, vol. 91, no. 11–12, 1905, p. 66–67.

Verkhrats'kyï, S. "Pobutova medytyna suchasnoho sela. Neduhy holovi, ocheï, vukha, horlianki, zubiv, hrudeï." *Pobut*, no. 6–7, 1930, p. 24–36.

Vy, zori zorytsi. Ukraïns'ka narodna mahichna poeziia (Zamovliannia), ed. M. G. Vasilenko, T. M. Shevchuk. Kiev: Molod', 1991, 334 p.

Tatyana A. Agapkina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Parallels in the verbal magic of Eastern and Southern Slavs:
the "life" of things as a charm plot

The article is devoted to the similarities between the Balkan-Slavic and the Ukrainian charms, namely, to the story, involving the "life" of things, or so-called operational plot. Parallels with the Balkan-Slavic charms that contain a "life story" of things (foodstuffs or plants) are found not throughout the entire space of the Ukrainian ethno-dialectal zone, but along the southwest-northeast line: in the Hutsul region and Bukovina, in Podolia and the Dnieper area, as well as in the Left-Bank Ukraine. There are four versions of this plot presented in charms: "the story of bread", "the story of flax / hemp", "the story of cheese / butter" and "the story of fish". The article notes that all four versions are known both among the Balkan Slavs and the Ukrainians, although "the story of cheese" dominates in the Balkans, while "the story of bread" prevails in Ukraine. It is shown that in the Balkan-Slavic and Ukrainian traditions the coinciding plot elements of the charms, containing "life stories"

of foodstuffs or plants, appear not as atomic facts, but as elements of a system. In particular, this is reflected in the fact that the functions of individual versions of texts and the features of their poetics coincide.

Keywords: *folklore studies, charms, Balkan Slavs, Ukrainians, operational plot*